
ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

И. ЛЮБЕНКО

МАСКАРАД СО СМЕРТЬЮ

КРОВЬ НА ПАЛУБЕ

ТАЙНА ПЕРСИДСКОГО ОВОЗА

УБИЙСТВО НА ВОДАХ

ЧЕРНАЯ МАГНОЛИЯ

ЛИК НАД ПРОПАСТЬЮ

РОКОВАЯ ПАРТИЯ

ТЕНЬ АЗРАИЛА

.....

В. ПОЛОНСКИЙ

ЗАГАДКА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ

ГЛАВНАЯ РОЛЬ ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ

.....

А. ДОБРОВ

УКРАДЕННЫЙ ГОЛОС. ГИЛЯРОВСКИЙ И ШАЛЯПИН

• АНДРЕЙ •

ДОБРОВ

УКРАДЕННЫЙ ГОЛОС
ГИЛЯРОВСКИЙ И ШАЛЯКИН

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д55

Серийное оформление Петра Петрова

В оформлении коллажа на 1-й сторонке
использованы репродукции картин:
В. Серов «Портрет артиста Ф.И. Шаляпина»
и С. Малютина (1915) «Король репортёров»

Добров, Андрей Станиславович.
Д55 Украденный голос. Гиляровский и Шаляпин : [роман] / Андрей Добров. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Интересный детектив. Ретро-оформление).

ISBN 978-5-699-97079-7

Конец XIX века, Москва. «Король репортеров» Владимир Гиляровский знакомится с молодым, но уже знаменитым оперным певцом Федором Шаляпиным, который совсем недавно получил роль в опере «Борис Годунов». Чтобы лучше понять своего героя, Шаляпин, загримированный под беглого каторжанина, уговаривает Гиляровского спуститься в ад ночной Хитровки и отыскать настоящего детоубийцу! По наводке местного шарманщика они обнаруживают труп мальчика, которому была сделана операция на связках! Удастся ли приятелям не только отыскать сумасшедшего хирурга в хитровских подземных лабиринтах, но и остаться в живых?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97079-7

© Добров А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

• **ВСТУПЛЕНИЕ** •

При написании этой книги я жадно пил из своего главного источника — сочинений Владимира Алексеевича Гиляровского. Так что авторство текста принадлежит не только мне, но и ему. Впрочем, делая Гиляровского одним из главных героев книги, обойтись без его великолепных рассказов практически невозможно. Что же касается моего второго героя, Федора Ивановича Шаляпина, то я благодарен за информацию о нем как хранителям Дома-музея Шаляпина в Москве, которые трепетно сохраняют память о певце, так и великолепным воспоминаниям Константина Коровина.

Моя книга — никак не исторический труд. Почти вся она вымышлена, за исключением тех описаний и подробностей, которые я почерпнул из своих источников. Все события условно происходят осенью 1897 года, когда Шаляпин из неизвестного

многообещающего певца начал стремительно превращаться в звезду мирового уровня.

Пусть простят меня потомки как Гиляровского, так и Шаляпина за то, что я использовал их имена в этой книге. Я сделал это исключительно из желания возбудить в молодой читающей публике России интерес к этим великим именам. И если, прочитав об их вымышленных приключениях, эта публика захочет подробнее узнать о настоящем творческом пути двух русских великанов, я буду только счастлив. Надеюсь, это извинит меня в глазах потомков героев моей книги. Видит Бог, я писал о них с благоговением!

Также я с благодарностью использовал труды доктора Вересаева, Г.В. Андреевского, А. Кокорева и В. Руги, черпая из них детали быта конца XIX века Москвы.

*С уважением,
Андрей Добров*

• 1 •

СУЛХАНОВСКИЕ ШАШЛЫКИ

— Владимир Алексеевич! Гиляровский! Пойдите!

Неподалеку от меня остановился извозчик — в коляске стоял и смотрел в мою сторону высокий молодой человек в хорошем коверкотовом пальто и без шляпы. Увидев, что я откликнулся на его призыв, он помахал мне рукой в коричневой лосиной перчатке.

— Владимир Алексеевич! Здравствуйте! Можно вас?

Секунду я всматривался в его лицо, показавшееся мне поразительно знакомым. И наконец вспомнил — певец Шаляпин! Но мы даже не были представлены друг другу. Что ему от меня нужно?

— Залезайте ко мне! Пожалуйста!

Я пошел к пролетке. Шаляпин протянул мне руку и помог взобраться. Усевшись напротив, я поздоровался.

— А я вас искал в редакции, — весело произнес Шаляпин. — Как раз оттуда теперь. И вот — на ловца и зверь бежит! — Он рассмеялся.

— Что же вы мне не оставили записки? — спросил я. — Сам бы пришел к вам.

Шаляпин сделал загадочные глаза.

— Не хотел, чтобы узнали, — произнес он, наклоняясь ко мне. — Дело щекотливое. А вы спешите, Владимир Алексеевич?

— Нет.

— Может, перекусим?

— С удовольствием!

— В «Эрмитаж»? Хотя... Нет! Поедьте в «Петергоф» к Разживину! У него открылась шашлычная кухня. Я к шашлыкам в Тифлисе привык, а в Москве их почти не найти!

— О! Федор... простите, не помню как по ба-
тюшке...

— Иваныч.

— Федор Иванович! Шашлыки в Москве — это целая криминальная история. Я вам потом расскажу.

— Прекрасно! Едем!

Шаляпин легонько ткнул извозчика в толстый, на ватине, армяк, оклеенный рекламными марками «Никитинского чая», и приказал:

— Давай-ка в «Петергоф»!

Извозчик на углу притормозил, пропуская встречные экипажи, а потом повернул влево. Вскоре показался и ресторан. Однако весь тротуар у него был занят — экипажи стояли сплошь против указа генерал-губернатора — не вдоль панели, а под углом, елочкой, отчего половина улицы оказалась непроезжей. Пока наш «легковой», ругаясь, медленно двигался в поисках свободного местечка, Федор Иванович болтал о всякой чепухе — о разнице погоды между Тифлисом, Нижним и Москвой, умалчивая, однако, о предмете того разговора, ради которого он меня искал.

— Отчего бы нам было просто не выйти у парадного? — спросил я. — Теперь вам придется полквартала возвращаться.

— Ничего, — ответил Шаляпин. — Пусть так. Не хочу отпускать извозчика. Мне сегодня целый день мотаться. Я уж вперед заплатил.

Да уж, подумал я про себя, мне с моими репортерскими гонорами и привычками такое даже в голову не пришло бы — сколько же Шаляпин отстегнул «легковому»? Рублей тридцать — не меньше!

Швейцар, определив в нас кредитоспособных господ, распахнул дверь ресторана. Там уже подскочил гардеробщик, принимая пальто. Сунув латунный номерок в карман серых брюк, Шаляпин, отодвинув бордовую тяжелую гардину, вперед меня прошел в зал. Тут же со своего места сорвался метрдотель — узнал певца. Шаляпин хоть и выступал в Частной опере Мамонтова без году неделя, однако уже успел прогреметь на всю Москву.

— Господа-с! Какая честь для нашего заведения-с! Прошу — вам в кабинет или в общий зал-с? — запричитал он подобострастно, глядя снизу, что было несложно, учитывая рост как Шаляпина, так и вашего слуги.

— Давай в кабинет! — приказал Шаляпин.

Кабинет оказался всего-навсего нишей, огороженной высокой деревянной ширмой китайских мотивов. Шаляпин сделал заказ. Под шашлыки он заказал вина, которое тут же принесли с легкой овощной закуской и свежими лепешками, испеченными с сыром.

— А знаете, Владимир Алексеевич, — сказал Шаляпин, наливая мне из запотевшего глиняного кувшина темно-красное вино в стакан, — мы же с вами коллеги!

— По артистической линии? — спросил я.

— Нет, — улыбнулся певец.

А потом он негромко запел:

Укачала-уваляла,
Нашей силушки не стало.
О-о-ох... О-о-о-х!
Ухнем да ухнем! У-у-ух!
Не заса-а-аривай!

«Не может быть!» — подумал я, откуда этот молодой парень в хорошем пальто знает эту песню, песню моей рабочей молодости, когда я тянул бечевой расшивы по Волге с бурлаками?

— В Самаре случилось мне крючником поработать. Конечно, не «батырем», но и не «засыпкой». Арбузы мы грузили, — рассказывал Шаляпин, — ох и умаялся я по первости! Так бы и остался с крючниками, да в Казани опоздал на свой пароход — пришлось в стряпчие идти.

— В Самаре?! — воскликнул я. — Так ведь и я в Самаре крючником был!

— Ну! Я читал! — улыбнулся широко Шаляпин.

— И что, — жадно спросил я, — там до сих пор «батыри» ходят в красных жилетах с золотым га-луном?

Шаляпин отрицательно помотал головой:

— Не видал.

Да! Как удивительно бросает нас судьба, подумал я, кто бы мог подумать, что через восемнадцать лет после меня в Самаре крючником наймется другой молодой здоровяк — Федя Шаляпин!

— Ну так за это надо нам выпить! — сказал я, поднимая свой стакан с терпким грузинским вином.

Мы чокнулись и выпили до дна. Я закусил длинным усом зеленого лука. Тут подоспели и шашлыки. Сам Сулханов на вытянутых руках принес тяжелый серебряный поднос с шампурами, на которые были насажены разнообразные куски жареного мяса. Шаляпин взял один шампур с белыми кусочками, переложенными ломтиками ароматного сала, и счистил их ножом на мою тарелку.

— Вот, попробуйте!

Я подцепил кусочек мягкого белого мяса и отправил себе в рот.

— Ну как?

— По вкусу похоже на яйцо. Только мясное.

Шаляпин захохотал. Сулханов тоже заулыбался и покивал головой.

— А это оно и есть! — сказал Шаляпин.

— Вы имеете в виду...

— Баранье.

— А! Ну уж этим меня не смутить! — возразил я, подцепляя на вилку новый кусочек. — Я табуны гонял. А конюхи, когда жеребца холостят, по старой традиции его яйца тут же на сковородочке жарят.

Сулханов поклонился и сказал:

— Этот шашлык самый полезный для джигит. Кушай — женщина довольна будет. Спасибо утром скажет!

С этим он снова поклонился, осмотрел наш стол — не нужно ли еще чего, и ушел за ширму.

— А теперь к делу, — сказал Шаляпин — Владимир Алексеевич, есть у меня просьбишка к вам. Не откажите.

— Коллеге отказа не будет! — засмеялся я.

— После «Псковитянки», которую приняли очень даже неплохо...

Шаляпин сделал паузу и смешно подвигал бровями — уж конечно, чтобы показать, что его Грозного в «Псковитянке» приняли восторженно и заговорили об огромном таланте певца именно после этой оперы. Впрочем, и о его скандальном поведении.

— Иван Саввич, дай бог ему здоровья, предложил поставить «Бориса Годунова». Бориса, понят-

но, пою я. Спектакль, прямо скажу, с несчастной судьбой. В Мариинке его критики приняли плохо и постановку сняли. А ведь это настоящий Шекспир! Наш русский Шекспир!

— Пушкин! — ответил я, наваливая на тарелку новую порцию шашлыка и заваливая его зеленью.

— Пушкин, конечно, — кивнул горячо Шаляпин. — Но, правда, Мусоргский показался тяжело. Да... А вот Николай Андреевич Римский-Корсаков нынче переписал партитуру. Чудесно! Да и потом — в Мариинке не было меня! Вот и весь сказ! А теперь — вот где у меня будет публика!

Он схватил пучок петрушки и сжал его в кулачище.

Я улыбнулся — похоже, что молодому Шаляпину его успех в Москве сильно ударил в голову. Впрочем, судя по восторгам, а особенно по проклятиям, бурлившим вокруг него, талант певца был действительно неординарным. Я за своей службой в «Русских ведомостях» так ни разу и не сходил в Частную оперу на Шаляпина, хотя друзья и звали.

— Послушайте, Владимир Алексеевич! Я на прошлой неделе ездил в Ярославскую губернию. Знаете, к кому?

— Ну?

— К Василию Осиповичу Ключевскому! Какой это замечательный старик! Какой глубокий знаток эпохи! Мы гуляли по лесу, а он мне в лицах! В лицах пересказывал диалоги между Годуновым и Шуйским, как будто сам сидел в уголке и все за ними записывал!

— К Ключевскому? — удивился я. — Зачем?

— Ах! — досадливо махнул рукой Шаляпин. Я заметил, что с каждым стаканом вина с него слетала некоторая скованность первого знакомства. И как будто разница в восемнадцать лет между нами таяла, как порции шашлыка на серебряном подносе. И, признаюсь, мне это нравилось. Я чувствовал, что это не он приближается к моему возрасту, а я — к его. В конце концов, оба мы были из простых, из низов. Всего добились сами. И уж не последнюю роль в этой быстрой, стремительной близости сыграло, конечно, признание Шаляпина в том, что мы были с ним «коллегами».

— Поймите! — сказал Шаляпин. — Ведь это важно! Вот смотрите...

Но договорить ему не дала фигура, шагнувшая из-за ширмы. Я смотрел на Шаляпина и поэтому сперва подумал, что это Сулханов вернулся с добавками, но оказалось, что это был не он. Какой-то